

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ В АТР В 2005–2016 ГГ.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, Директор Центра глобальных исследований Национального исследовательского университета «МЭИ», руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции»
Dr. Ruban Larissa Semionovna, Ph. D in Sociology, professor, Director and Head Researcher of the Center of Global Researches National Research University «MPEI», head of the international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration»

Аннотация: В статье автором показаны результаты международных экспертных опросов, проводимых с 2005 г. по настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» среди специалистов высшей квалификации и VIP-персон (лиц, принимающих решения) из 16-ти стран: России, Китая, США, Японии, Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Республики Корея, Монголии, Малайзии, Мьянмы, Непала, Сингапура, Таиланда и Филиппин. Эксперты дают комплексную характеристику ситуации в АТР, исходя из учета развития потенциала экономики и безопасности стран и проблем в этих сферах, показывают риски и угрозы, возможность военного конфликта в регионе и указывают возможные направления для регионального сотрудничества с целью его оптимизации.

Annotation: In article author shows the results of the international expert polling in 2005 till present time, preparing during of the international project «Dialogue partnership as factor of stability and integration» between of the specialists of the high qualities from 16-ths States: Russia, USA, China, Japan, Brunei, India, Indonesia, Republic of Korea, India, Malaysia, Mongolia, Myanmar, Vietnam, Nepal, Thailand and Philippines. Experts characterized of the situation in APR as complex of economical and security potentials and problems, risks, threats and possibility of the military conflict in APR. Experts show optimal directions of the cooperation in order of the optimization of this cooperation.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, международный экспертный опрос, региональная безопасность, риски, угрозы, возможность военного конфликта, сотрудничество в энергетической сфере, экспорт углеводородов

Key words: Asia-Pacific Region, international expert polling, the regional security, risks and threats, possibility of the military conflicts, cooperation in energy sphere, export of the hydrocarbons

В рамках руководимого автором международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» с 2005 г. по настоящее время проводятся международные экспертные опросы для комплексной характеристики ситуации в АТР. В качестве экспертов выступают специалисты высшей квалификации и VIP-персоны (лица, принимающие решения) из 16-ти стран: России, Китая, США, Японии, Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Республики Корея, Монголии, Малайзии, Мьянмы, Непала, Сингапура, Таиланда и Филиппин (государственные чиновники, ученые, политики, дипломаты, экономисты, энергетики, бизнесмены, военные, журналисты, представители неправительственных организаций), которые дают характеристику ситуации в АТР, исходя из учета развития своих стран, их экономики и энергетической сферы, определяют уровень безопасности в АТР, риски и угрозы, возможность конфликтов, указывают какие страны являются лидерами в регионе и характеризуют международные организации региона по эффективности их деятельности. Эксперты анализируют потребности в ресурсах и, в первую очередь, энергетических, указывают каковы оптимальные маршруты их транспортировки, дают характеристику восточному направлению углеводородного экспорта России. Главной целью данного комплексного исследования является поиск оптимальных направлений сотрудничества России со странами АТР.

Отмечая важность расширения и оптимизации международного сотрудничества на современном этапе, хотелось бы рассмотреть и проанализировать, какие факторы способствуют данному процессу и что для этого необходимо. При анализе Азиатско-Тихоокеанского региона, наиболее быстро развивающегося региона мира, следует учитывать прогноз экономистов, что в 2020 г. более 50% мирового ВВП будет производиться в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. На страны АТР уже сейчас приходится значительная доля мирового потребления энергоресурсов, основными потребителями которых являются США, Китай и Россия.

КНР — одна из крупнейших экономик мира. Рост Китая уже существенно изменил баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а дальнейшее развитие китайской экономики приведет в обозримом будущем к еще большим переменам в АТР, что будет иметь далеко идущие экономические и политические последствия. За последние пять лет в КНР энергопотребление выросло на 75%, а в Индии — на 31%. За последние пятнадцать лет в АТР произошло удвоение нетто-импорта нефти и, по прогнозам аналитиков, зависимость стран АТР от импорта энергоресурсов к 2020 г. составит около 18,6% в год [10, 10].

Нельзя забывать, что в настоящий момент система глобальной и энергетической безопасности подвижна и противоречива, а система региональной безопасности далека от совершенства. Для эффективного же сотрудничества необходима стабильность и безопасность, поэтому свой опрос мы начинали с оценки уровня стабильности в АТР. И тут надо отметить, что если в 2005 г. (начало опросов) ситуацию в АТР больше половины опрошенных экспертов — 54% оценивали как нестабильную, то в 2015–2016 гг. такую оценку дали только 18%. Эксперты, поясняя свои ответы, отмечали, что страны АТР очень разные по уровню экономического развития, политического устройства, имеют разнообразный национальный и религиозный состав, а также имеется много спорных вопросов по территориям и энергоресурсам.

Как в той или иной степени стабильную, устойчивую в 2005 г. ситуацию в АТР оценивали менее половины опрошенных экспертов — 42%, а в 2015–2016 гг. — 67%, а именно: как стабильную, устойчивую — 42% в 2005 г. и в 2016 гг. — 53%. Как относительно стабильную, подвижную — таких ответов, характеризующих ситуацию в АТР, в 2005 г. не было получено, а в 2015–2016 гг. — 14%, причем экспертами указывалось, что в регионе возможны локальные конфликты.

После обострения ситуации в Южно-Китайском море в 2011 г. увеличилось количество ответов экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную (с 10% в 2010 г. до 19% в 2011 г. и 14% в 2013–2014 гг.). Кроме того, обострение в 2015 г. ситуации на Корейском полуострове имело следствием то, что при проведении контрольного интервью в октябре-ноябре 2015 г. на 4% выросло количество ответов экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную, и также на 4% выросло количество ответов о возможности военного конфликта в АТР (увеличение произошло за счет ответов американских военных экспертов).

Эксперты определяли страны-лидеры региона по комплексной характеристике их потенциала и указывали, что в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР в целом изменился стратегический расклад сил. Важнейший треугольник в регионе раньше был США — Китай — СССР, теперь это: США — РФ — Китай, причем Россия сейчас играет ту роль, которую играл Китай в период противостояния США — СССР. Китай, по мнению экспертов, уже с 2006 г. сумел стать лидером в АТР. Эксперты указывали, что роль России в АТР стала меньше, чем роль КНР, Японии и США. В качестве лидеров (главных игроков) в АТР и Южной Азии в 2005–2016 гг. эксперты называли страны, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Важнейшие игроки в Северо-Восточной Азии

Ответы по странам (в %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	3) 37	3) 34	3) 47	2–3) 31	2–3) 30	3) 41	3) 40	3) 40
КНР	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 96	1) 95	1) 93	1) 92	1) 92
Япония	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	2) 41	2) 37	2) 54	2–3) 31	2–3) 30	2) 43	2) 43	2) 43
РФ	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	4) 24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15	4) 14	4) 14
Южная Корея	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	5) 15	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14	4) 14	4) 14

По мнению экспертов, в 2006 г. произошла смена лидеров в регионе: на первое место вместо США выдвинулся Китай, а США уступили Японии вторую позицию, отодвинувшись на третье место. РФ на протяжении всего периода опросов занимала 4-ю позицию, а Республика Корея — пятую, хотя к 2015 г. их позиции в США выровнялись (по 14% предпочтений экспертов) и в 2016 г. остались на том же уровне.

Самыми действенными и эффективными международными организациями в АТР в 2015–2016 гг. эксперты назвали: АСЕАН в Юго-Восточной Азии — 62%, АТЭС — 45%, ШОС в Северо-Восточной Азии — 37%, и это не случайно. **АСЕАН** — одна из наиболее успешных региональных международных организаций. Эксперты указывали, что «ассоциация превратилась в базовую структуру многостороннего сотрудничества в регионе ЮВА. В экономической области страны Ассоциации проводят линию на интеграцию и либерализацию Юго-Восточной Азии на базе Соглашения о создании Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), Рамочного соглашения о Зоне инвестиций в АСЕАН (АИА) и Схемы промышленного сотрудничества (АИКО)» [10, 17]. **АТЭС** была также названа как организация-лидер, которая разрабатывает правила и нормы торговли, инвестиционной финансовой деятельности в регионе, отражая общемировую тенденцию интернационализации хозяйственной деятельности государств.

Отвечая на вопрос «Какова роль России в АТР?», ряд экспертов отмечал, что у России есть шанс изменить ситуацию в АТР за счет энергетических проектов, причем эксперты-дальневосточники уточняли, что российские минеральные и энергоресурсы, ее экономический потенциал и огромный рынок являются позитивным и стабилизирующим фактором для развития региона, но необходимо организовать поставки энергоресурсов по экономически обоснованным ценам.

Китайские эксперты указывали, что усиление российских геополитических позиций возможно при стратегическом партнерстве с Китаем, и давали следующую характеристику РФ: «Россия крупнейшая страна с колоссальным потенциалом и природными, а также военными ресурсами, хотя значительно меньшими, чем были у СССР. США и Япония хотели бы, чтобы Россия распалась на малые государства».

Ли Чуаньсюн, директор Института России Хэйлуцзянского университета также подчеркивал, что главным партнером в энергетике Китая считает Россию, а **Тянь Чуньшэн**, заместитель председателя Китайского научного общества по изучению экономик РФ, Восточной Европы и Центральной Азии отмечал, что Россия сильна своим уровнем развития энергетики. Это как раз то, в чем нуждается Китай. Обе страны являются соседями, и ни у кого не возникает сомнения, что энергетическое сотрудничество не только станет новым направлением развития российско-китайской торговли в будущем, но и важнейшей точкой опоры в процессе реализации роста торговли между двумя странами [7, 27].

Российские эксперты на протяжении всего периода опросов отмечали, что деловая активность КНР особенно заметна в энергетической сфере: «Крупнейшие китайские компании стремятся получить возможность доступа к сырьевым проектам по всему миру. В одних странах китайцы получают долгосрочные концессии, в других — покупают акции местных компаний, третьим предоставляют кредиты под гарантии поставок сырья. Российские сырьевые ресурсы территориально наиболее приближены к Китаю, поэтому в долгосрочной перспективе расширение сотрудничества с Россией — это приоритет № 1 для китайских компаний».

Экспертный опрос включал вопросы, по характеристике статуса и места РФ в АТР, роли, которую она играет в регионе. Ответы на вопрос «Какова роль России в АТР?» очень важны, так как лица, принимающие решения в российском государстве по активизации внешней политики РФ в восточном направлении (ее внешнеэкономической и особенно энергетической составляющих), должны иметь полную достоверную информацию, какой видится наша страна и ее внешнеполитические действия странам АТР, и особенно лицам, принимающим решения в этих странах.

Относительно **роли России в АТР** разброс мнений экспертов был велик на протяжении всего периода опросов: 38% в **2005 г.**, 19%, — в **2010 г.** 7% в **2014 г.** и 5% в **2015–2016 гг.** — отмечали, что РФ может быть сильным партнером только в качестве балансера для стабилизации региона, поддержания мира и предотвраще-

ния военных конфликтов, обеспечения энергобезопасности и экономического сотрудничества. То есть ее потенциала недостаточно для единоличных действий, сила будет только в альянсе, и здесь все зависит от того, насколько правильно и рационально будет построен альянс и выбраны партнеры.

36% в **2005 г.**, 68% в **2014–2015 гг.** и 70% в **2016 г.** — указывали, что РФ утратила в регионе позиции, которые занимал СССР, сейчас у нее в АТР гораздо меньший потенциал. 4% в **2005 г.**, 16% в **2008 г.** и 6% в **2012 г.** — оценивали Россию как игрока средней руки, менее важного, чем США, Китай и Япония, но более важного, чем Республика Корея, указывая, что сила России может быть в коалиции с КНР, с **2014–2016 г.** таких ответов не было получено, возможно, в связи с ослаблением мировых лидеров и ростом позиций Южной Кореи, которая по лидерству набрала равное с Россией количество экспертных оценок (14%).

Две крайние позиции, определявшие Россию как великую державу (мнение экспертов из Вьетнама, КНР и Монголии) и характеризовавшие роль РФ в АТР как маленькую и мизерную, набрали в 2014 г. наименьшее количество голосов — по 1%. Причем ответы китайских экспертов о РФ как великой державе к 2014 г. практически сошли на нет, а затем в 2015–2016 гг. резко подскочили до 68%.

Говоря о рисках в АТР, следует отметить, что в настоящий момент первое место, по мнению всех опрошенных российских и зарубежных экспертов, занимает **борьба за энергетические ресурсы и территории, где они расположены**, (2015–2016 гг. — 64%), что во многом обострило борьбу за спорные морские участки в Юго-Восточной Азии с крупными УВ-месторождениями в Южно-Китайском и Андаманском морях, Сиамском заливе и т. д.

Проблема обеспечения энергетической безопасности и безопасности транспортировки энергоресурсов очень актуальна. Это отмечается всеми опрошенными специалистами. Страны АТР стремятся диверсифицировать УВ-экспорт из стран Ближнего Востока в связи с возможными рисками, т. к. нефть перевозится по маршруту Ормузский пролив — Индийский океан — Малаккский пролив, проходящий по линии военных конфликтов. Через Малаккский пролив в КНР доставляется около 80% нефти, импортируемой из Ближнего Востока и Африки, а в направлении всей Восточной Азии — свыше 15 млн. баррелей в сутки [12, 82]. Поэтому для повышения безопасности поставок нефти и сокращения транспортного плеча на 1200 км CNPC проложила по территории Мьянмы нефтепровод и параллельно газопровод мощностью 12 млрд. куб. м газа в год.

Говоря о КНР, эксперты подчеркивают, что очень многое на Китае замкнуто (экономика: темпы развития, ВВП, потребление энергоресурсов, экология, политика, миграция) — все вращается вокруг Китая, и в случае коллапса очень многое рухнет. «Сейчас лидер Китай, но он же, — отмечало в 2014 г. 30%, в 2011 г. — 35%, в 2010 г. — 32% экспертов, — и потенциальная угроза, ведь если не остановить обезлюдение Сибири и Дальнего Востока, то через несколько десятков лет они станут китайскими...».

Ряд экспертов опасается, что РФ может стать сырьевым придатком Китая, способствуя развитию его промышленности, указывая на договор о сотрудничестве до 2018 г., предусматривающий поставки в КНР каменного и бурого угля, железа, золота, марганца, молибдена и т.д. [2, 96]. Кроме того, бурная промышленная деятельность КНР без соблюдения должной технологической безопасности приводит к экологическим катастрофам и часто несет экологическую угрозу региону. Природные и техногенные катаклизмы вновь, как и в 2004 г. (в ходе пилотажного опроса после декабрьского цунами в 2004 г. в АТР), были выделены экспертами.

Мнение экспертов относительно возможности возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке и в АТР с **2005 до 2016 гг.** постепенно снижалось и росла уверенность в его невозможности в СВА, однако эксперты указывали, что хотя военный конфликт в регионе сегодня маловероятен, но ситуация может измениться, и это свидетельствует о значительной доле неопределенности и нестабильности в регионе.

Таблица 2. Возможен ли военный конфликт на Дальнем востоке и в АТР?

Ответы на вопрос (в % по годам)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 группа: Нет, в настоящий момент военный конфликт в АТР невозможен. Ситуация стабильна	42	40	39	58	67	68	60	74	72	70	70	68
2 группа: Да, военный конфликт в регионе возможен	54	52	51	22	16	3	10	13	13	10	10	10
Промежуточное мнение: Сегодня военный конфликт в АТР маловероятен, но ситуация может измениться, т.к. есть риски и угрозы	4	8	10	17	16	20	30	13	15	19	20	22

Перейдем к характеристике энергетической ситуации. Следует отметить, что ресурсное и, в первую очередь, энергетическое обеспечение производства и потребления определяющим образом влияют на развитие всех стран и регионов в мире, поэтому ресурсное обеспечение энергетического сектора современной экономики — одна из ключевых глобальных проблем. Рассмотрим, какова

роль России в развитии сотрудничества и кооперации в энергетической сфере в АТР?

Для осуществления эффективной энергетической стратегии и реализации УВ-экспорта России в восточном направлении, необходимы ресурсы, транспортные коммуникации для прокачки нефти и газа и доставки СПГ, обеспечение безопасности экспорта углеводородов и учет рыночной конъюнктуры с оперативным реагированием на нее и действия конкурентов. И хотя Россия утратила многие позиции, которые занимал СССР, эксперты отмечают, что наша страна обладает мощной сырьевой базой и имеет достаточное ресурсное обеспечение УВ-экспорта как в западном, так и в восточном направлении.

Россия остается одной из крупнейших нефтедобывающих стран мира, и добыча жидких углеводородов постоянно растет. В 2016 г. она достигла 547,5 млн. тонн вместе с газовым конденсатом (534 млн. тонн в 2015 г.), а газа — 640,2 млрд. куб. м (*источник: ТЭК России № 1, 2017*). В 2016 г. нефтяной экспорт России увеличился на 4,2% и, по данным Института Гайдара, составил 254,8 млн. тонн (244 млн. тонн в 2015 г.), а экспорт газа в дальнее зарубежье увеличился на 12,3% и достиг 179,3 млрд. куб. м.

Однако ситуация на мировом рынке нефти развивается неблагоприятно для России. Во многом это обусловлено американской сланцевой революцией и ее последствиями. К маю 2015 г. нефтедобыча в США выросла по сравнению с 2009 г. на 80% до 9,51 млн. баррелей в день, а доля импорта снизилась на 27% — до 9,47 млн. баррелей в день, это самый низкий показатель после 1985 г. 9 октября 2015 г. Палата представителей Конгресса США сняла запрет на экспорт нефти, который просуществовал 40 лет с 1975 г., и это решение было одобрено Сенатом США.

Но не только трудности с западными партнерами поворачивают Россию лицом на восток. АТР — наиболее динамично развивающийся регион мира. За последние 15 лет в АТР произошло удвоение нетто-импорта нефти. Спрос на импортные поставки нефти и нефтепродуктов прогнозируется к 2020 г. — 1570–1580 млн. тонн, к 2030 г. — 1860–1870 млн. тонн. Кроме того, рост спроса на газ в АТР и развитие систем газообеспечения происходят более быстрыми темпами, чем в мире в целом, что привело к увеличению доли региона в глобальном газопотреблении [10, 45].

У России в настоящее время реализуется несколько проектов по экспорту сырья в страны СВА. Важнейшими из них являются добычные проекты на шельфе Сахалина, проекты поставок газа и нефти из Восточной Сибири и Якутии в КНР, Республику Корея

и Японию. В перспективе доля этих стран будет стабильно увеличиваться в структуре экспорта энергоресурсов из РФ. По оценкам Министерства энергетики РФ, к 2020 г. мощность экспортных нефтепроводов и терминалов России составит 433 млн. тонн в год. Ведущая роль для восточного экспорта российских УВ отводится ВСТО (Восточная Сибирь — Тихий океан), первая очередь которой была введена в эксплуатацию 28 декабря 2009 г. мощностью 30 млн. тонн: 15 млн. тонн — в порт Козьмино и 15 млн. тонн — по ответвлению от ВСТО в Китай. С 2010 г. нефть из системы ВСТО из порта Козьмино пошла танкерами в США, Японию, Китай, Юж. Корею, Таиланд, Филиппины, Сингапур, Тайвань, Индонезию. 27 сентября 2010 г. завершилось строительство нефтепровода Россия — Китай. Вторая очередь ВСТО (от Сковородино до Козьмино) стартовала 4 марта 2010 г. и была завершена в 2014 г.

Эксперты отмечают, что ВСТО нужен и российским, и зарубежным компаниям в АТР, т. к. российские производители заинтересованы в освоении новых рынков, а потребители в АТР — в альтернативных источниках импорта энергоносителей. Практически все эксперты указывали, что экспорт нефти и газа России нужно направлять в Северо-Восточную Азию: КНР, Японию и Южную Корею, а со странами Юго-Восточной Азии (в связи с тем, что у них имеются свои запасы нефти и газа) нужно налаживать сотрудничество по совместной разведке, добыче и, в идеальном случае, переработке УВ.

Российские эксперты, признавая оптимальность экспорта УВ, озабочены преимущественным вывозом из нашей страны необработанного сырья, что может иметь и уже имеет для РФ негативные последствия, и призывали переосмыслить ситуацию, развивать свои высокие технологии и обрабатывающую промышленность, запретить на вывоз сырой нефти и налаживать их переработку на российских предприятиях. Эксперты указывали, что «трубопроводы сами по себе — это не рычаги влияния, поскольку, начав поставку, ее нельзя прекратить и нельзя пользоваться энергетическим рубильником. Связываясь с Китаем прямыми поставками, мы попадем в большую зависимость от него, поскольку подписываемся под определенные объемы. Неуправляемый процесс не может использоваться в политических целях. Появляется болезненная тема в российско-китайских отношениях по аналогии с газом в российско-украинских отношениях» [3, 322–323].

Российские ученые указывали, что труба не решит проблемы. В Восточной Сибири уникальный газ с высоким процентом содержания гелия, его нужно извлекать, строить перерабатывающие за-

воды, производить конечный продукт и уже его экспортировать. Китай хочет получать наши углеводороды дешево, тут дело в цене. Кроме того, КНР и США используют дешевые угли — 30%, и это также надо учитывать.

Не лишне вспомнить мнение Коржубаева А.Г., зав. отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Уполномоченного СО РАН по вопросам сотрудничества с Китаем: «Пока нефть и газ находятся в недрах, в долгосрочной перспективе их ценность возрастает. Как только они добыты и проданы, они превращаются в финансовые потоки — источник новых инвестиций, а также в деньги, обесценивающиеся в случае их неиспользования или неэффективного использования. Задача нефтегазового комплекса РФ — не наращивание экспорта УВ, а превращение денежных доходов в капитал за счет эффективных инвестиций в развитие сырьевой базы, систем глубокой переработки для поставок на внутренний и международный рынки [6, 14–15].

Он отмечал, что китайские корпорации допущены к разведке и добыче нефти на территории РФ. Но передача столь крупных пакетов Китаю без получения соответствующих уступок по доступу к транспортной и перерабатывающей инфраструктуре на территории КНР не воспринимается как проявление слабости и ведет к требованию новой уступки. В Китае это называется «двигаться вперед, закрепляя за собой позиции» (*bibu weiying*). И Коржубаев делал вывод: «В обмен на допуск китайских компаний к добывающим активам в РФ российские компании... должны получить возможность участвовать в управлении НПЗ и сетями АЗС в Китае, прежде всего в районах Северо-Востока и Востока, получающих нефть и нефтепродукты из РФ, участие в геологоразведочных и добывающих проектах на территории и акватории КНР, управлении нефтяным терминалом в порту Далянь, через который могут быть организованы значительные поставки российской нефти» [6, 15].

Эксперты указывали на целесообразность организации максимально технологически обоснованного и экономически эффективного извлечения на территории РФ всех ценных и потенциально ценных компонентов, составляющие в сумме от 8% до 15%, гелия и других полезных элементов. Академик РАН **Конторович А. Э.** отмечал, что экспорт нефтепродуктов как сырья для последующей переработки должен уступить экспорту нефтепродуктов с высокой добавленной стоимостью, а экспорт «полупродуктов» (прямогонного бензина, ряда марок дизельного топлива) необходимо прекратить полностью [4, 14].

Таким образом, эксперты сделали вывод, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке РФ целесообразно создание единого нефтегазового комплекса, включающего систему добычи, переработки, транспорта и хранения нефти, продуктов нефте- и газохимии, а при поставках на экспорт сырой нефти и газа необходимо заключать с импортерами договоры, предполагающие обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории стран — реципиентов [5, 6–7]. Большинство экспертов высказывалось мнение об оптимальности для России предложить восточному рынку не только сырую нефть, но и конкурентоспособную продукцию высоких переделов.

Эксперты отмечали, что экспорт российского газа в АТР сопряжен с существенными рисками и сдерживающим фактором цена/спрос на энергоносители, высокой ценовой и емкостной неопределенностью на рынке Китая, конкуренцией российского трубопроводного газа и ближневосточного, австралийского и индонезийского СПГ, а также российских энергоносителей между собой, высокой стоимостью разработки и транспортировки российских углеводородов, что требует соответствующего уровня цен на внутреннем и внешнем рынках.

Кроме того, страны Центральной Азии уже вышли на газовый рынок Китая. В декабре 2009 г. был открыт транскитайский туркмено-узбекистано-казахстанский магистральный газопровод (ТУКК) из Туркменистана на Запад Китая в соответствии с договоренностями CNPC с «КазМунайГазом» и «Туркменгазом». Пуск этого газопровода в Китай стал результатом хорошо продуманной стратегии Пекина по диверсификации сырьевой базы своей экономики. Используя традиционную практику расчетов, КНР предоставляет не «живые» деньги, а часть кредитами под низких процент, часть за счет бартера — китайскими товарами. Газопровод из Центральной Азии в КНР — стал весомым аргументом для китайской стороны на переговорах с Россией относительно условий поставок газа из Западной и Восточной Сибири, причем Туркменистан, Узбекистан, Казахстан совместно уже построили три нитки газопроводов в Китай общей мощностью 55 млрд. куб. м (на 50% больше, чем «Сила Сибири») и строят еще одну мощностью 30 млрд. куб. м. Кроме того, в КНР уже действуют мощности по приему СПГ [11, 78].

В 2014 г. в связи с экономическими санкциями Евросоюза против России наша страна стала более активно проводить восточную газовую политику. В мае 2014 г. в Шанхае «Газпром» и КННК заключили контракт на 30 лет на поставку российского трубопроводного

газа в Китай по «восточному» маршруту объемом 38 млрд. куб. м газа в год. Это самый крупный контракт на поставку газа за всю историю «Газпрома», по которому за время действия соглашения будет поставлено более 1 трлн. куб. м.

В сентябре 2014 г. начали строить магистральный газопровод «Сила Сибири» протяженностью около 4000 км, запуск которого планируется в 2019 г., а выход на полную мощность (38 трлн. куб. м) в 2024 г. Ресурсной базой будут служить Чаяндинское (1.2 трлн. куб. м) и Ковыктинское (1.5 трлн. куб. м) месторождения. Как считают эксперты, для российской газовой отрасли данный договор с Китаем открывает новое перспективное направление поставок и диверсифицирует традиционные экспортные маршруты с целью хеджирования рисков России как мирового игрока газового рынка. В октябре 2014 г. было подписано новое соглашение, а 9 ноября 2014 г. в Пекине подписали меморандум о взаимопонимании между «Газпромом» и СНООС. Таким образом, на Востоке России создается масштабная газовая инфраструктура, что будет способствовать развитию экономики региона, в том числе металлургии, трубной промышленности, машиностроения. Этот маршрут российского газового экспорта имеет приоритетное значение для Пекина и особенно важен для северо-восточных регионов КНР с плохой экологией из-за использования угля, но эксперты отмечают, что кроме внешней конкуренции, трубопроводный газ РФ составит конкуренцию экспорту СПГ из России же, забирая у него сырье.

Оптимальным направлением российского углеводородного экспорта в АТР эксперты называют страны Северо-Восточной Азии, а именно: КНР, Южную Корею и Японию. Нужно учитывать, что основные региональные производители и экспортеры нефти и газа в АТР — КНР, Малайзия, Индонезия, Вьетнам. Они обладают значительными УВ-ресурсами, и России придется приложить большие усилия, чтобы утвердиться на рынке АТР, учитывая, кроме того, колоссальный экспорт арабской нефти в регион.

Оценивая восточную энергетическую экспортную политику Российской Федерации, эксперты делают вывод, что «реализуемый в нефтегазовом комплексе России, и в первую очередь, в Сибири и на Дальнем Востоке курс на диверсификацию внутрироссийских и экспортных поставок, прямой выход на крупнейших платежеспособных потребителей нефти и газа на рынке АТР, соответствует долгосрочным глобальным экономическим процессам» [6, 14–15]. Для организации эффективного экспорта российских углеводородов в восточном направлении необходимо четко выстроить экспортную политику адекватно ситуации в регионе и, основываясь

на долгосрочных расчетах, реально просчитывать свои возможности и соотносить свои нынешние и будущие действия с интересами и перспективами своих потенциальных партнеров и с учетом реакции конкурентов.

Эти цели и задачи были четко обозначены Президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком, где сейчас активно развиваются новые центры экономической силы» [8].

Литература

1. Авраменко М. Нефть с восточносибирским акцентом // Континент Сибирь № 22–06. 2010. С. 13.
2. Андреев А. В тени «восточного гиганта» // Нефть России. № 1–2010. С. 96.
3. Комплексная характеристика ситуации в АТР / под ред. Рубан Л.С. // М.: Academia, 2014. 359 с.
4. Конторович А.Э. Oil terminal — 2009. Настоящий русский размах // Oil-MARKET, 12–01/2010. С. 14.
5. Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Перспективы развития нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока и прогноз экспорта нефти и газа из России на Тихоокеанский рынок // Бурение и нефть 12/2009. С. 6–7.
6. Коржубаев А.Г. Перспективы сотрудничества России с Китаем в нефтяной сфере // Бурение и нефть. 07-08-2009. С. 14–15.
7. Ли Бо. 200 млрд долларов — это не мечта, а реальность // Китай № 8/2011. С. 27.
8. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия <http://izvestia.ru/news/511884> 16 января 2012 г. 00:01.
9. Россия — АТР: горизонты энергетического сотрудничества (в экспертных оценках) / под ред. Рубан Л.С. // М.: Academia, 2016. 282 с.
10. Рубан Л.С. Азиатско-Тихоокеанский регион и новая глобализация в экспертных оценках (2005–2016 гг.). // М.: Academia, 2016. 64 с.
11. Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире (энергетический аспект) / под ред. Рубан Л.С. // М.: Academia, 2014. 330 с.
12. Фан Тинтин. Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Персидского залива // Проблемы Дальнего Востока № 1, 2012. С. 82.